

Александр Восьмой

**QUAKE: Тени в броне
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

QUAKE: Тени в броне
(Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

QUAKE: Тени в броне (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Спецгруппа «Чёрная Искра» охотится на элитных строгов в заброшенных бункерах Проксимы. Но чем глубже они спускаются, тем сильнее броня начинает реагировать на присутствие врага: вибрировать, нагреваться, шептать чужими голосами. Здесь каждый коридор — ловушка, а каждый поворот — проверка на прочность рассудка. Солнце над Проксимой не всходит — небо затянуто пеленой, сквозь которую прорываются вспышки плазменных разрядов. Отряд добровольцев должен добраться до командного центра и запустить систему обороны, но путь лежит через зону, где законы физики перестают работать, а страх становится осязаемым.

Александр Восьмой

QUAKE: Тени в броне (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени над мёртвым горизонтом»

Орбита Проксимы встретила флот людей не тишиной, а яростью. Сквозь густую пелену, затянувшую небо планеты, прорывались ослепительные вспышки плазменных разрядов — они били по экранам радаров, словно молнии в вечной буре, и заставляли приборы сходить с ума. На мостиках кораблей офицеры стискивали подлокотники кресел, глядя, как данные скачут между «норма» и «аномалия», будто сама планета отказывалась подчиняться человеческим законам.

В отсеке спецгруппы «Чёрная Искра» царила иная тишина — тяжёлая, натянутая, как струна перед ударом. Капитан Рейн стоял у иллюминатора, не отрывая взгляда от серо-чёрного шара внизу. Проксима не выглядела мёртвой — она выглядела *затаившейся*. Казалось, что под этой пеленой что-то шевелится, выжидает, прислушивается к приближению чужаков.

— Высадка через три минуты, — прозвучал голос диспетчера в общем канале, сухой и отстранённый, будто речь шла не о жизнях, а о грузе.

Рейн обернулся на своих бойцов. В полной броне они казались одинаковыми: безликие шлемы, тёмные пластины, усиленные сочленения. Но он знал каждого по едва уловимым деталям: по тому, как Деррик нервно постукивал пальцем по предплечью, как Лира чуть наклоняла голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные, как Торн сжимал и разжимал кулаки, готовясь к удару, которого ещё не было.

Капсулы пошли на снижение. При входе в атмосферу броня начала слабо вибрировать — сначала едва заметно, как дрожь от далёкого взрыва, а потом всё настойчивее, будто металл отзывался на присутствие врага, узнавал его запах, его суть. Рейн почувствовал, как вибрация проникает сквозь слои защиты, добирается до костей, отдаётся в зубах.

— Это не турбулентность, — прошептала Лира в закрытом канале. — Это... реакция.

Никто не ответил. Не потому, что не верили, а потому, что боялись подтвердить её слова вслух.

Удар о поверхность был жёстким, но капсулы выдержали. Когда люки распахнулись, внутрь ворвался воздух Проксимы — тяжёлый, с металлическим привкусом, будто планета дышала ржавчиной и пеплом. Бойцы вышли наружу, и в ту же секунду связь с кораблём оборвалась. Не просто пропала — её словно *вырезали*, оставив в ушах только белый шум, который тут же начал складываться в едва различимые шёпоты.

Перед ними раскинулся мёртвый ландшафт: выжженные равнины, покрытые слоем серой пыли, которая не оседала, а висела в воздухе, как туман. Вдали, на горизонте, высились руины бункеров — громадные бетонные конструкции, наполовину погребённые под обломками, с зияющими провалами входов. Они напоминали челюсти, раскрытые в беззвучном крике.

— Сектор «Омега», — произнёс Рейн, сверяясь с координатами на дисплее. Его голос прозвучал слишком громко в этой неестественной тишине. — Двигаемся к ближайшему входу. Держим строй. И не смотрите в провалы слишком долго.

Деррик хмыкнул, но в этом звуке не было веселья:

— А если они смотрят первыми?

Лира остановилась у края воронки, вглядываясь в темноту внизу. Её визор пытался подсветить глубину, но лучи растворялись, будто поглощались самой тьмой.

— Там что-то есть, — тихо сказала она. — Что-то старое. И оно не спит.

Торн шагнул вперёд, активируя прожектор на плече. Луч света выхватил фрагмент стены — и на ней, прямо над входом, виднелся выжженный символ строгов: спираль, закрученная

в обратную сторону, с острыми, будто рваными краями. Металл вокруг знака был оплавлен, как будто его выжигали изнутри.

И в тот момент, когда луч коснулся символа, броня Лира издала короткий, резкий звук — не треск, не шелчок, а что-то похожее на вздох. Она отшатнулась, а на дисплее шлема вспыхнули предупреждения: температура пластины подскочила на несколько градусов, уровень электромагнитного фона превысил норму.

— Мы на их территории, — тихо произнёс Рейн, опуская оружие и оглядываясь на отряд. — И они знают, что мы здесь.

Ветер, если это можно было назвать ветром, пронёсся по равнине, взметая пыль в причудливые вихри, которые на секунду складывались в очертания фигур — высоких, угловатых, с неестественно длинными конечностями. Вихри рассыпались, но ощущение чужого взгляда осталось, впиваясь в затылок, заставляя мышцы напрягаться в ожидании удара.

— Двигаемся, — скомандовал Рейн, первым ступая к входу в бункер. — Держим дистанцию. И если услышите шёпот — не отвечайте.

Они вошли в тень бункера, и тьма сомкнулась вокруг них, плотная, осязаемая, будто сотканная из чужих страхов. Где-то глубоко под землёй что-то щёлкнуло, заскрежетало, и коридор впереди медленно начал пульсировать тусклым красным светом — будто сердце, которое билось не в такт с их собственными.

Проксима приняла их. И теперь ждала, когда они сделают первый неверный шаг.

Глава 2. «Шёпот в металле»

Спуск в бункер напоминал погружение в глотку мёртвого зверя: ступени были вырублены прямо в скальной породе, их края — острые, как сколы зубов, а воздух с каждым метром становился тяжелее, будто гравитация сама по себе здесь была иной. С каждым шагом броня нагревалась — сначала едва ощутимо, как будто солнце всё же пробилось сквозь пелену над Проксимой, а потом всё настойчивее, до неприятного жжения под пластинами. Капитан Рейн чувствовал, как тепло ползёт по рёбрам, забирается под воротник, заставляет кожу покрываться липким потом.

А в шлемах нарастал шёпот.

Это не были радиопомехи. Не статический треск, не фоновый гул. Это были *голоса*. Обрывки фраз на знакомых и незнакомых языках, стоны, чей-то смех, слишком чистый и оттого особенно жуткий. И среди них — слова, которые знали только те, кто служил в спецотрядах. Фразы из старых брифингов. Кодовые обозначения секторов. Имена.

— «Эхо последних криков», — пробормотала Лира, и голос её в закрытом канале звучал так, будто она боялась, что стены услышат. — Они не исчезают. Они остаются здесь.

Рейн стиснул зубы. Он единственный, кто мог хоть немного игнорировать этот гул — не потому, что не слышал, а потому, что умел отделять шум от сигнала. Годы службы научили его: если не можешь выключить звук — найди в нём ритм. И он искал: вычленил из хаоса отдельные тональности, пытался понять, откуда идёт нарастание, где пик. Это помогало держать рассудок в узде.

Коридор сузился. Потолок опустился, и теперь бойцы шли, слегка пригнув головы, будто кланялись этому месту. Свет прожекторов выхватывал фрагменты стен: металл, покрытый слоем пыли и ржавчины, трещины, в которых шевелилась тень, будто внутри брони прятались живые существа.

И тут Деррик замер.

Он стоял у боковой ниши, где в полумраке виднелись очертания экипировки. Не просто обломки — полный комплект брони, разорванный вдоль швов, словно кто-то или что-то вскрыло его изнутри. Но крови не было. Ни капли. Только странный пепельный налёт, похожий

на сажу, но более лёгкий, почти невесомый. Он оседал на броне бойцов, прилипал к визорам, забивался в фильтры.

Торн протянул руку, чтобы коснуться наплечника, но Рейн резко остановил его:

— Не трогай.

— Почему? Это же наши, — возразил Торн, и в его голосе слышалась злость — не на капитана, а на саму ситуацию, на невозможность сделать хоть что-то правильное.

— Это не просто броня, — тихо сказала Лира. — Это... оболочка. Как куколка.

Она была права. В этом месте смерть не оставляла следов крови — она забирала суть, оставляя только форму. И пепел был не остатком горения, а чем-то вроде отпечатка того, что исчезло.

Рейн шагнул вперёд, обходя нишу, стараясь не смотреть на пустые глазницы шлема, потому что знал: если взглядеться, можно увидеть в них собственное отражение — и оно будет чуть старше, чуть отчаяннее.

Дальше коридор делал резкий поворот. И там, на стене, прямо напротив входа в следующий сектор, был выжжен символ строгов.

Спираль, закрученная в обратную сторону, с рваными, острыми краями, будто её рисовали когтями. Металл вокруг был оплавлен, края — чёрные, пористые, как застывшая лава. Но самое жуткое было не в форме, а в том, как он *жил*.

Символ пульсировал.

Не светом, не движением — а *ритмом*. В такт ударам сердца. Каждый раз, когда у Рейна сжималась грудная клетка, металл будто вздрагивал, отдавая вибрацию в воздух, в броню, в кости. Казалось, что это не рисунок на стене, а живое сердце, заключённое в стали.

Лира попятилась, её визор мигнул, выдавая предупреждения о скачках электромагнитного фона.

— Он реагирует на нас, — прошептала она.

Деррик поднял оружие, будто собирался выстрелить в символ, стереть его, заставить перестать двигаться.

— Нет, — резко сказал Рейн. — Не стреляй.

Все обернулись к нему. В этот момент он впервые по-настоящему взял командование на себя — не по уставу, а по необходимости. Потому что только он видел: если нарушить этот ритм, коридор может ответить. И ответ будет не звуком, а действием.

— Мы здесь не для того, чтобы ломать, — продолжил Рейн, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, без дрожи. — Мы здесь, чтобы понять. Этот символ — подсказка. Значит, мы на верном пути. Но он также и предупреждение.

Торн медленно опустил ствол, его пальцы побелели на рукояти.

— Предупреждение о чём?

Рейн посмотрел на пульсирующий знак, на трещины в стенах, на пепел, который кружился в воздухе, будто искал, к чему бы прилипнуть.

— О том, что они знают, что мы пришли. И что бункер — не просто укрытие. Он — ловушка. И мы только что переступили её порог.

В этот момент шёпот в шлемах стал громче. На секунду все голоса слились в один — длинный, протяжный вздох, будто тысячи людей выдохнули одновременно. И вслед за этим в глубине коридора вспыхнул тусклый красный свет, ритмично пульсируя в такт символу.

— Держим строй, — приказал Рейн, делая первый шаг к свету. — И не теряйте друг друга из виду. Здесь темнота не просто скрывает — она разделяет.

Они двинулись вперёд, каждый шаг отдавался вибрацией в броне, каждый вдох приносил привкус пепла, а шёпот становился всё настойчивее, будто пытался проникнуть не только в уши, но и в мысли. Проксима говорила с ними — и её голос был голосом тех, кто уже не мог говорить сам.

Глава 3. «Коридор, где время спотыкается»

С каждым шагом коридор будто становился чужим. Не просто тёмным и враждебным — а *неправильным*. Свет прожекторов, который ещё минуту назад уверенно резал тьму, теперь терял смысл: тени двигались не туда, куда должен был падать свет. Они скользили по стенам, будто у них была собственная воля, и на секунду опережали движения бойцов, словно знали, куда те собираются шагнуть.

Деррик первым заметил неладное. Он резко остановился, уставившись на свой визор.

— Ребята, я только что видел себя, — глухо произнёс он, будто боялся, что звук спугнёт увиденное. — На экране. На долю секунды раньше, чем я реально шагнул.

Рейн подошёл ближе, вглядываясь в данные. Это не была задержка сигнала и не сбой камеры. Система фиксировала расхождение: координаты, временные метки, векторы движения — всё указывало на то, что силуэт на мониторе появился *до* самого действия. Не предсказание, не ошибка алгоритма — а зарегистрированное событие.

— Это не галлюцинация, — тихо подтвердил Рейн, и собственный голос прозвучал в ушах странно, будто с небольшим эхом, как будто кто-то повторил его слова чуть позже.

Лира провела рукой по стене. Металл был холодным, но под пальцами чувствовалась едва уловимая вибрация — не постоянная, а прерывистая, как сбившееся дыхание.

— Здесь время спотыкается, — прошептала она. — Оно не течёт, оно... цепляется за углы.

Торн выругался сквозь зубы, глядя на свой наручный дисплей: стрелки компаса замерли, а потом вдруг крутанулись в обратную сторону, будто пространство решило переписать правила.

— Приборы сходят с ума, — бросил он, постукивая по стеклу, будто это могло вернуть им здравый смысл.

Но приборы не ввали — они просто пытались передать то, что происходило вокруг. А происходило нечто, для чего в человеческой системе координат не было слов.

Коридор сузился, и стены будто придвинулись ближе, чем позволяли замеры. В тупике, у ржавой решётки, отряд замер. В центре ниши стояла капсула — небольшая, цилиндрическая, с оплавленными краями, будто её пытались вскрыть, но бросили на полпути. На поверхности темнели выжженные символы строгов, переплетённые с кодами, которые система брони распознавала как устаревшие протоколы связи.

— Осторожно, — предупредил Рейн, поднимая руку. — Не трогайте.

Но Лира уже протянула руку, и пальцы её замерли в миллиметре от металла. Она не касалась, но чувствовала тепло — или не тепло, а какое-то внутреннее гудение, будто внутри капсулы билось чужое сердце.

Капсула открылась сама. Не с шелчком, не с шипением — а с тихим вздохом, будто выпустила запертый воздух. Внутри лежал накопитель — потрёпанный, с трещинами, но ещё живой. Лира подхватила его, и в ту же секунду визор вспыхнул потоком данных: обрывки приказов, даты, имена, а затем — чёткая, холодная фраза, выделенная жирным шрифтом:

«Зона искажения. Страх материализуется. Не пытайтесь бежать. Он уже здесь».

Слова повисли в интерфейсе, а потом медленно растворились, будто их никогда и не было. Но смысл остался, въедаясь в сознание, как кислота.

— Зона искажения, — повторил Деррик, и голос его звучал так, будто он пробует слово на вкус, пытаясь понять, не станет ли оно последним. — Что это значит?

Рейн смотрел на капсулу, на символы, на трещины в стенах, которые теперь казались не следами разрушения, а венами, по которым течёт сама аномалия.

— Это значит, что бункер не просто укрытие, — тихо произнёс он. — Это ловушка. И она питается не энергией, не топливом — она питается эмоциями. Страхом. Болью. Сомнениями. Чем сильнее мы боимся, тем реальнее становится то, чего мы боимся.

В этот момент тень Лиры на стене шевельнулась отдельно от неё — на секунду раньше, чем девушка повернула голову. Тень не просто двигалась — она опережала. И в этом опережении было что-то невыносимо жуткое, будто будущее уже пришло и теперь примеряет на них свои очертания.

Торн вскинул оружие, будто собирался выстрелить в собственную тень, стереть её, заставить исчезнуть.

— Не надо, — резко сказал Рейн. — Здесь оружие не поможет. Здесь помогает только одно: не верить тому, что видишь. Держите строй. Держите друг друга в поле зрения. Если потеряете контакт — потеряете себя.

Они двинулись дальше, и коридор ответил. Свет начал пульсировать в такт сердцебиению, тени растягивались, искажались, превращаясь в силуэты, слишком высокие, слишком угловатые, слишком похожие на строгов. Но когда бойцы поворачивались, чтобы прицелиться, фигуры рассыпались в пепел, оседая на броню серым налётом, который тут же впитывался, становясь частью металла.

Лира вдруг остановилась, её визор мигнул, выдавая предупреждение о скачке нейронной активности.

— Я слышу их, — прошептала она, и глаза её расширились, будто она видела не коридор, а что-то за его пределами. — Строгов. Они не кричат. Они... шепчут. И они знают наши имена.

Рейн шагнул к ней, положил руку на плечо — и почувствовал, как броня под ладонью едва заметно вибрирует, будто отзывается на чужой шёпот.

— Не слушай, — твёрдо сказал он. — Держи фокус. Мы здесь, чтобы добраться до командного центра. Чтобы запустить систему обороны. Всё остальное — иллюзия.

Он сам не до конца верил в собственные слова. Но знал: если хоть на секунду позволит себе усомниться, коридор заберёт его. Заберёт не тело — а волю.

И они пошли дальше, сквозь мерцающий свет, сквозь тени, которые жили своей жизнью, сквозь тишину, которая становилась всё громче. Каждый шаг отдавался вибрацией в броне, каждый вдох приносил привкус пепла, а в глубине коридора уже виднелся новый поворот — и за ним, казалось, ждало не просто продолжение пути, а испытание, которое проверит не их навыки, а саму способность оставаться собой.

Проксима шептала им: «Вы уже проиграли. Вы просто ещё не поняли этого».

Но отряд «Чёрная Искра» продолжал идти. Потому что остановиться означало сдаться. А сдаваться они не умели.

Глава 4. «Охота в темноте»

Коридор расходился надвое — две чёрные пасти, одинаково зловещие, одинаково безмолвные. Рейн смотрел на схему на визоре: оба ответвления вели к промежуточным узлам, откуда можно было выйти к главному стволу, ведущему к командному центру. Но ни один маршрут не выглядел безопасным.

— Разделяемся, — наконец произнёс Рейн, голос его звучал ровно, будто он не отправлял людей в темноту, а просто раздавал пайки. — Группа А — со мной, идём по левому коридору. Группа Б — с Торном, правый сектор. Держите дистанцию, не теряйте связь. Если что-то пойдёт не так — любой сигнал, даже шум, — возвращайтесь к точке встречи.

Лира на секунду задержала взгляд на капитане, будто хотела что-то сказать, но лишь кивнула и шагнула в тень левого прохода. Деррик и ещё двое бойцов последовали за ней. Торн повёл свою группу направо — в тишину, которая казалась ещё более плотной, будто её специально уплотнили, чтобы заглушить любые звуки.

Левый коридор встретил их нарастающим гулом. Он не был похож на шум вентиляции или работу механизмов — это был низкий, вибрирующий звук, будто где-то глубоко под бетоном билось огромное сердце. С каждым шагом броня нагревалась, и этот жар уже не был просто побочным эффектом — он ощущался как предупреждение, как давление, которое требовало повернуть назад.

Внезапно датчики взвыли.

— Тепловой всплеск! — выкрикнул Деррик, отскакивая назад, но было поздно.

Из щелей в стенах вырвались тонкие, почти невидимые нити — тонкие, как волосы, но острые, как лезвия. Они реагировали на тепло: стоило телу бойца оказаться рядом, как нити мгновенно находили самые уязвимые места — стыки брони, сочленения, вентиляционные решётки. Одна из них скользнула по наплечнику Лиры, оставляя на металле тонкую чёрную полосу, которая тут же начала тлеть.

Деррик рванулся вперёд, пытаясь прорваться сквозь завесу, и нити схватили его. Они не резали — они *впитывались*, проникая сквозь микроскопические зазоры, обвивая пластины, словно живые. Деррик закричал, и этот крик был не от боли, а от ужаса: он чувствовал, как жар ползёт по броне, как металл становится частью чего-то чужого.

Рейн ударил по нитям импульсным разрядом — короткая вспышка ослепила на секунду, но нити рассыпались пеплом, а броня Деррика осталась. На пластинах проступил узор — тонкий, похожий на сеть вен, будто сама броня теперь носила отпечаток того, что её коснулось.

— Не дыши глубоко, — приказал Рейн, хотя сам чувствовал, как воздух в коридоре становится тяжелее, насыщеннее чем-то едким. — Двигаемся. Быстро.

Они рванулись вперёд, оставляя за собой шлейф пепла, который тут же оседал на полу, словно отмечая их путь для чего-то, что шло следом.

Тем временем в правом коридоре Торн шёл первым, держа оружие наготове. Здесь тишина была другой — не гудящей, а *пустой*, будто все звуки просто исчезали, не успев родиться. Его бойцы двигались бесшумно, но даже их шаги не отдавались эхом. Это было неестественно.

И вдруг тишина треснула.

Не звуком, а отсутствием звука. В одну секунду коридор стал ещё тише — так тихо, что Торн услышал собственное сердцебиение, гул крови в ушах, скрип суставов. А потом он увидел его.

Элитный строгов.

Он стоял в полутени, почти сливаясь с ней. Его броня была не просто тёмной — она поглощала свет, будто вокруг него существовала зона пониженной освещённости. Фигура была высокой, угловатой, движения — плавными и неестественно точными. Он не рычал, не кричал, не делал угрожающих жестов. Он просто *был* — и этого хватало, чтобы воздух стал густым, а мышцы сковало напряжением.

Торн поднял оружие.

— Стоять! Назови себя!

Строгов не ответил. Он даже не шевельнулся. И в ту же секунду из темноты рядом с ним выскользнули две меньшие фигуры — быстрые, юркие, двигавшиеся почти беззвучно.

Бой начался мгновенно.

Один из бойцов Торна выстрелил — луч плазмы разрезал тьму, но строгов уже ушёл с линии огня, двигаясь так быстро, что контуры его фигуры размывались. Ответный удар был точным: энергетический импульс ударил в грудь бойца, и тот отлетел назад, ударившись о стену с глухим стуком, который прозвучал слишком мягко для такой силы.

Торн бросился вперёд, целясь в центр силуэта, но его выстрелы будто растворялись в этой зоне тьмы. Строгов парировал удары с пугающей лёгкостью, его движения были нечеловечески выверенными, будто он знал, куда противник ударит, ещё до того, как тот принимал решение.

В какой-то момент Торн оказался лицом к лицу с врагом. Он видел, как броня строгова пульсирует тусклым красным светом, как в стыках пластин мерцают энергетические прожилки. И когда строгов поднял руку, Торн понял: это конец.

Но строгов не ударил.

Вместо этого он на секунду замер, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали люди. А затем резко отступил назад, растворяясь в тени, которую, казалось, он сам и создавал. Меньшие фигуры исчезли вслед за ним, оставив после себя только запах озона — резкий, металлический, будто воздух здесь только что прошёл через высоковольтный разряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.